

Перед лицом иммиграции

Соседство Китая поможет решить общероссийскую проблему острого дефицита рабочей силы

ЖАННА ЗАЙОНЧКОВСКАЯ

Как только в 1992 году Россия «открыла двери», китайцы сразу же устремились в нашу страну, организовав бойкую торговлю ширпотребом по всей ее территории, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке — вдоль российско-китайской границы. Здесь произошел настоящий миграционный взрыв. Напористость китайцев, их неприветливость, легкость, с какой они осваивались в любом городе России, с одной стороны, растерянность и смтение, вызванные их неожиданным вторжением у местного населения, — с другой, привели к тому, что призыв «желтой опасности», актуальный в начале прошлого века ¹, вновь ожил и приобретает все более грозные очертания. Иммиграция вообще и китайская иммиграция как ее весомая составляющая стали настоящим «яблоком раздора», разменной картой выборных кампаний, водоразделом идеологических течений. Это происходит вопреки тому, что размеры китайского присутствия в России, как увидим ниже, остаются скромными и более или менее постоянными. Но при этом масштаб проблемы сильно возрос, контекст расширился. Еще недавно китайская иммиграция рассматривалась преимущественно как «внутреннее дело» Дальневосточного региона. Сейчас ясно, что она имеет огромное значение для будущего всей страны.

Данная статья — попытка взглянуть на китайскую иммиграцию с этих позиций и проследить, как меняется отношение к ней в России.

Зачем России иммигранты?

Проблема иммиграции возникла в тесной связи с демографическим кризисом и рассматривается как одна из главных мер по его преодолению.

Демографы единодушны относительно будущего населения России. И эксперты ООН, и Государственный комитет РФ по статистике, и исследователи — как отечественные, так и зарубежные — прогнозируют резкую убыль его численности. Согласно среднему варианту прогноза Госкомстата, сделанному на основании данных переписи-2002, население России к 2026-му уменьшится до 137 млн человек при условии некоторого прогресса в рождаемости и средней продолжительности жизни, а также подъеме иммиграции со 175 тыс. человек в среднем за год в 2006–2010 годах до 415 тыс. в 2025-м. Если же сохранятся современные тенденции, численность населения может упасть до 125 млн человек ².

Как известно, население России убывает с 1992 года — уже в течение 14 лет. Но до сих пор этот процесс не затрагивал трудоспособные возрастные контингенты. Напротив, на фоне нисходящей тенденции, характерной для общей динамики населения, численность его трудоспособной части росла, причем весьма заметно. Так удачно складывалось соотношение поколений, входящих в трудоспособный возраст и выходящих за его пределы. В 2006-м этот рост заканчивается. Затем начнется стремительная естественная убыль трудоспособного населения: в 2007

году она будет сравнительно небольшой – около 300 тыс. человек, но уже в следующем увеличится в два раза, а в 2010–2018 годах сокращение превысит 1 млн человек в год. В период до 2026-го суммарная естественная убыль трудоспособного населения достигнет уровня в 18 с лишним млн человек. Если сравнить эту цифру с численностью занятых в экономике России, составляющей 67 млн человек, становится очевидно, что ситуация чрезвычайно серьезна. Убыль трудоспособных контингентов прогнозируется вплоть до середины века³. Исходя из этого, можно утверждать, что в ближайшей перспективе труд будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России.

Чтобы восполнить столь резкое сжатие трудовых ресурсов, иммиграция должна быть существенно увеличена; более того, она превращается в стратегическое направление миграционной политики России.

Учитывая, что население в трудоспособном возрасте составляет около 2/3 миграционного потока, в предстоящие два десяти-

летия потребовалось бы более 25 млн иммигрантов, чтобы полностью возместить естественные потери трудовых ресурсов России⁴. Такая огромная иммиграция едва ли может быть обеспечена даже при самой активной и либеральной миграционной политике, не говоря уже о том, что она чревата дестабилизацией социальной обстановки. Вместе с тем приведенный расчет хорошо иллюстрирует масштаб проблемы.

“В 2007 году в России начнется стремительная естественная убыль трудоспособного населения”.

Отсюда следует, что в первой половине XXI века Россия окажется среди государств, принимающих наибольшее количество иммигрантов. Высокая абсорбционная

способность России уже подтверждена прошлым опытом. Как показала перепись-2002, Россия, принявшая за 1989–2000 годы 11 млн человек, вышла по количеству приезжающих в страну иммигрантов на третье место в мире после США и Германии. В 1975–1988 годах Россия (РСФСР) приняла 13 млн иммигрантов.

В рассматриваемой перспективе миграция приобретает, без преувеличения, определяющее значение для России. Это второй вывод. От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, зависят темпы ее экономического развития, уровень жизни населения, социальный климат, региональные пропорции развития, размеры страны и ее целостность. Справляемся мы с этой задачей или нет, будет ясно уже в течение предстоящего десятилетия.

По инициативе президента РФ буквально в последние месяцы наметился разворот миграционной политики России: решено создать более благоприятные условия для приема иммигрантов, что свидетельству-

ет об адекватной, пусть и запоздалой реакции федеральной власти. Уже сделаны первые шаги, призванные упростить для иммигрантов процедуру правового оформления; кроме того, правительство намерено облегчить легализацию незаконных мигрантов и либерализовать законодательство. Однако в общественном мнении по данному вопросу согласия нет.

Иммиграционная концепция развития России постоянно подвергается нападкам. Между тем официальное заявление о том, что приток иммигрантов необходимо увеличить, совпало с избирательной кампани-

ей в Московскую городскую думу. Это подлило масла в огонь: миграция стала самой популярной темой во всех средствах массовой информации. К сожалению, суть проблемы, ее демографическая и экономическая подоплека практически не обсуждаются. Вместо этого раздувается антииммигрантская истерия. «Россия останется без русских?»⁵, «Мигранты завоюют Россию?»⁶, «Народным единством — по инородному»⁷ — заголовки периодических изданий говорят сами за себя. В пылу предвыборной борьбы дело дошло до публичных оскорблений и унижений мигрантов, продемонстрированных по ТВ в агитроликах партии «Родина».

“В ближайшей перспективе труд будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России”.

Pro et contra с Александром Лариным

Известный историк-синолог Александр Ларин в своей недавней книге энергично оспаривает иммиграционную концепцию, считая ее «концепцией крайнего толка» и называя меня ее автором и главным идеологом⁸, от чего я, впрочем, не отрекаюсь. Вступить с Лариным в открытую полемику побуждает меня не столько желание ответить на упреки в свой адрес, сколько стремление показать несостоятельность приводимых в книге контраргументов, которые типичны и уже поэтому требуют более детального обсуждения.

Начнем с тезиса о необходимости поддержания численности населения страны, который автор считает «произвольно выбранным приоритетом». «Кто... сказал, — пишет он, — что главным приоритетом для государства должно быть именно поддержание численности населения любой ценой, любыми средствами, вплоть до допуска “на постоянной основе” миллионов чужаков?» И далее:

«...можно ли (на этой основе. — **Ж.З.**) переориентировать на 180 градусов миграционную... политику?...»⁹. И вот контраргумент: «Приоритетом, наверное, должен быть вывод страны из кризиса, улучшение качества жизни — тогда со временем можно надеяться и на рост численности населения». Как говорится, кто бы спорил.

Между тем опыт развитых стран опровергает предположение о наличии прямой зависимости между уровнем экономического развития и естественным воспроизводством населения. Здесь зависимость как раз обратная. Если большинству этих стран удается до сих пор либо поддерживать численность

своего населения, либо обеспечивать его небольшой (а в США даже значительный) рост, то исключительно благодаря постоянному притоку иммигрантов. Нет оснований надеяться, что и в нашей стране экономический рост сам по себе способен переломить демографические тенденции. Это, конечно, не значит, что не стоит предпринимать усилия в данном направлении, но нет гарантии, что они увенчаются успехом именно в отношении роста населения.

По существу, аналогичный подход характерен и для тех оппонентов, кто отстаивает приоритет повышения уровня рождаемости перед иммиграцией. Аргументы в пользу иммиграции они, как и Александр Ларин, считают не объективно обусловленной потребностью страны, а «заказной и, вероятно, хорошо оплаченной кампанией»¹⁰, происками иностранных организаций и фондов, «которые проводят прямо противоположную нашим интересам линию демографической политики»¹¹. В качестве альтернативы

вы выдвигается политика повышения рождаемости.

Дело, однако, в том, что все три составляющие демографического процесса — рождаемость, смертность и миграция — равно важны для воспроизводства популяции. Их недопустимо выстраивать по приоритетности, и воздействовать на них необходимо *одновременно*.

Оставим за рамками данной статьи споры по поводу возможностей прямого воздействия государства на рождаемость. Допустим, что в нашей стране, вопреки мировому опыту, усилия увенчаются успехом и рождаемость заметно поднимется. Но как прожить предстоящие 20 лет, пока родившиеся подрастут и в массе своей вольются в рынок труда? 20 лет — это если рождаемость начнет быстро повышаться прямо «завтра», а скорее всего, придется ждать и все 30 лет. Как в течение этих десятилетий обеспечить «улучшение качества жизни» и найти средства для стимулирования рождаемости и оздоровления населения? Кто заработает эти средства? Такими вопросами против-

трудовых ресурсов (в случае, если он не будет восполнен иммиграцией).

Недавние бунтарские выступления молодых потомков иммигрантов во Франции ярко продемонстрировали социальные риски, сопряженные с масштабной инокультурной иммиграцией. Безусловно, нечто подобное может случиться и у нас. Однако, взвешивая все за и против, нельзя игнорировать риски, которые находятся на другой чаше весов: экономический спад, а значит, падение уровня жизни, стагнация и даже снижение заработной платы, доходов и пенсий, нарастание бедности. При отсутствии иммиграции людям, которым сейчас примерно по 40 лет, просто нечем будет платить пенсию. К сожалению, эти очевидные и крайне болезненные последствия стремительного сокращения численности трудоспособного населения, как правило, остаются вне дискуссионного поля. А ведь они-то и представляют собой настоящую угрозу, в частности, для целостности страны.

Таким образом, иммиграция, а значит, и поддержка численности населения — это не

“Если не будет иммиграции, людям, которым сейчас примерно по 40 лет, просто нечем будет платить пенсию”.

ники иммиграции себя не утруждают, очевидно полагая, что экономика как-то выкрутится.

Расчеты убеждают, что это невозможно. Рост производительности труда, который мог бы компенсировать ожидаемое сокращение числа россиян трудоспособного возраста, недостижим не только в России, но и в любой из самых высокоразвитых стран мира. Даже довольно амбициозные проекты роста производительности труда — на уровне 7,2 проц. в год — приводят к потерям ВВП, превышающим 10 трлн рублей в период до 2020 года¹², причем именно из-за дефицита

«произвольно выбранный приоритет», как полагает автор, а суровая необходимость, неперемное условие нашего развития.

Хотелось бы рассмотреть еще один из распространенных контрдоводов против иммиграции, принадлежащий, правда, не Ларину. Вот как он звучит в устах Анатолия Иванова, депутата Государственной думы: «Те средства, которые придется затратить на обустройство иностранных рабочих с семьями, лучше потратить на улучшение условий российских трудящихся»¹³. Или такой пассаж: «...приедут, допустим, 300 тыс. иммигрантов. Им же будут нужны квартиры и дома. Где взять

это жилье, как его и за какие деньги произведсти?»¹⁴

Патерналистский взгляд на миграцию в принципе ошибочен. Мигранты не иждивенцы, они сами зарабатывают и сами, как и местные жители, должны заботиться о своем обустройстве — за исключением вынужденных мигрантов, нуждающихся в помощи. Муниципалитеты, например, могли бы получать хороший доход, строя дешевое жилье гостиничного типа и сдавая его в аренду мигрантам. То же касается и крупных работодателей.

Представления о потребительстве мигрантов отнюдь не безобидны. Они разжигают у принимающего сообщества мигрантофобию, создавая миф о повышенном внимании к «чужим» в ущерб «своим».

Разумеется, это не означает, что государство должно отстраниться от решения проблем мигрантов. Правда, от него требуется

действовать быстрее. Нерешительность грозит ростом незаконной миграции и коррупции на миграционной ниве, так как работодатели, чтобы сохранить бизнес, вынуждены будут действовать в обход законов.

Почему китайцы?

В ожидании иммиграционной волны активизировались надежды на возвращение «своих» — русских, «соотечественников» из постсоветских стран¹⁵. В бывших советских республиках осталось 18 млн из 25,3 млн русских, проживавших там в 1989 году. Из них 8,2 млн человек живут в Украине, 4,1 млн — в Казахстане, 1,2 — в Белоруссии, более 1 млн — в Узбекистане. Чисто арифметически, казалось бы, этого ресурса России должно хватить по крайней мере лет на 20. Но, по оценкам большинства экспертов, максимальный миграционный потенциал русской диаспоры не превышает 4 млн человек,

“Максимальный миграционный потенциал русской диаспоры не превышает 4 млн человек”.

не прямая помощь приезжим, а создание правовых и административных условий для их приема и интеграции. В компетенцию государства входят разработка адекватного законодательства по приему мигрантов — их регистрации, предоставлению им вида на жительство, гражданства; порядок трудового найма мигрантов; развитие рынка жилья; установление партнерских отношений со странами — донорами рабочей силы; создание стимулов для формирования информационной и рекрутерской сетей; надзор за соблюдением прав мигрантов и др. Важным является вопрос о разделении функций и ответственности между центром и регионами, государством и работодателями.

В настоящее время некоторые из перечисленных проблем не решены в должной мере, к другим еще не приступали. Необходимо

которые сосредоточены главным образом в Казахстане и Узбекистане.

Некоторые оценки достигают 5,2 млн человек. Они рассчитаны исходя из предположения, что в Россию будут иммигрировать русские также и из Украины, и из Белоруссии¹⁶. Но едва ли стоит ожидать увеличения притока русских из Украины, где сосредоточена основная часть диаспоры. Напротив, есть реальные предпосылки для возобновления в будущем миграционного потока из России в Украину, как это не раз бывало в прошлом. Украина всегда была привлекательной для россиян, а демографический кризис там еще более глубокий, чем в России. В Белоруссию же русские выезжают и сейчас.

По нашей оценке, основанной на социологических замерах, проведенных разными институтами, миграционный потенци-

ал титульных и других народов стран СНГ не превышает 6–7 млн человек в период до 2025 года. Есть и более пессимистические оценки — как и у русских, максимум 4 млн человек¹⁷. Таким образом, в ближайшей перспективе страны СНГ и Балтии в общей сложности могут «закрыть» около половины российского спроса на трудовые ресурсы и существенно смягчить ситуацию с рабочей силой. Но и этот потенциал привлечь не так просто. Для этого необходима безотлагательная либерализация миграционной политики.

В любом случае, чтобы компенсировать возникающий демографический дефицит, неизбежно придется прибегнуть к масштабной иммиграции из других стран.

В качестве доноров, безусловно, хотелось бы видеть страны, близкие нам в культурном отношении. Например, страны Восточной Европы. Но на этот источник трудовых ресурсов надеяться не стоит. Конкуренция на глобальном рынке иммигрантского труда очень высока, и соперничество это будет только нарастать. Вплоть до середины нынешнего века с Россией будут конкурировать США и Европейский союз. Россия в этой тройке — аутсайдер. Поэтому ее выбор ограничен преимущественно странами Юго-Восточной и Южной Азии и, вероятно, арабского мира.

Конечно, необходимо стремиться по возможности диверсифицировать миграционный поток по странам исхода, но при этом очевидно, что у китайцев, наших непосредственных соседей, нет серьезных конкурентов. Китайцев, по крайней мере тех, кто живет в северо-восточных провинциях, не отпугивает российский климат, они с успехом работают даже в сельском хозяйстве, а соседское положение расширяет их осведомленность о российском рынке труда, имеющих возможностях и правилах поведения, а также облегчает контакты с россиянами. Тем самым по сравнению с другими иммигран-

тами шансы китайцев на переезд в Россию резко увеличиваются. Этому способствуют и поездки россиян в КНР, которые численно в два раза превосходят поток из Китая. Так, в 2004-м российские граждане совершили 1 765 тыс. поездок в КНР, тогда как граждане Китая в Россию — 813 тыс. поездок¹⁸.

Сколько китайцев в России?

Исследовательские оценки единовременного китайского присутствия в России довольно стабильны: 200–300 тыс. человек в пограничных регионах (конец 1996 г.), 200–450 тыс. (1999) и максимум 400–500 тыс. человек (2002), сосредоточенных в основном на Дальнем Востоке и в Московском регионе. По самым свежим оценкам, среднегодовое число китайцев определяется в 306 тыс. человек, общее число побывавших в России в течение года — 800 тыс., из них находились в России от одного до четырех месяцев 432 тыс. человек, не менее десяти месяцев в году — 136 тысяч. В основном это торговцы, строительные и сельскохозяйственные рабочие. Местные оценки китайского присутствия гораздо умереннее. По расчетам Виктора Ларина, на Дальнем Востоке их всего 25–30 тыс. человек. Перепись-2002 зафиксировала в России 35 тыс. китайцев. (См. эти и другие данные: *Витковская Г. С., Зайончковская Ж. А.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: Надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской, Д. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 98; *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 40; *Он же.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 36; *Мукомель В.* Экономика нелегальной миграции в России // Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2005. № 92; *Ларин В. Л.* Китайская миграция на Дальнем Востоке // «Мост через Амур»: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. М.: Иркутск, 2004. С. 109.)

Размеры китайской миграции в Россию довольно скромны (см. подверстку на с. 77). Тем не менее до сих пор не удается изменить сложившиеся преувеличенные представления о количестве граждан КНР в России, в том числе и миф о двух миллионах китайцев на Дальнем Востоке, запущенный в 1993 году газетой «Известия»¹⁹ и дружно подхваченный местной прессой. Попутно сообщалось, что в пограничных городах китайцы уже теснят русских. Несмотря на то что даже в период, когда пересечение границы было свободным и, по оценке администрации, максимальная среднесуточная численность

китайцев в Приморском крае не превышала 150 тыс. человек²⁰, миф оказался очень живучим и не изжит до сих пор.

Не ясно, была ли статья в «Известиях» политической провокацией или результатом безграмотного расчета. Вероятно, и то и другое. Как бы то ни было, но в обществе сложилось устойчивое представление о китайской экспансии как о уже свершившемся факте. Оно стало одним из главных инструментов нагнетания страха перед лицом китайской угрозы.

Масштабы «нашествия» быстро разрастаются. Так создается питательный бульон для ксенофобии, заранее формируется агрессивная среда для мигрантов, и в результате иммиграционная политика рискует остаться без общественной поддержки. В таком случае она обречена на крах, а Россия — на экономический упадок в лучшем случае, а в худшем — на хаос и распад.

Наперекор господствующим страхам перед «китайским нашествием» синолог Андрей Островский утверждает, что «вряд ли следует ожидать интенсивной миграции из Китая на территорию России»²¹, поскольку ее затормозит быстрое повышение уровня жизни и расширение предложения работы на рынке труда в КНР. Но едва ли это предостережение касается текущей четверти века: избыток рабочей силы в Китае слишком велик. Сам автор указывает на излишки труда, равные 10 млн человек, только в трех северо-восточных провинциях страны, а общую безработицу (включая и скрытую) оценивает в четверть трудоспособного населения²².

Значительная часть населения КНР — крестьяне (44 проц.)²³, которые, конечно же, будут стремиться в города, в том числе и в российские. Пройдет несколько десятилетий, прежде чем рассосется этот резерв. Несмотря на экономический взлет Китая, для многих его жителей Россия еще доволь-

Мифы о китайском нашествии

Еще и в 1998 году, через 5 лет после того как миф был запущен «Известиями», о 2 млн китайцев в Приморье пришлось услышать в администрации Уссурийска, а также из уст офицера погранзаставы. Реальная оценка на основе пассажиропотоков вызывала замешательство, поскольку планка китайского присутствия тут же опускалась до десятков тысяч. Столь сильна была сохранившаяся вера в центральную прессу, что даже лица, располагавшие всей информацией для взвешенных оценок и к тому же вполне доброжелательно настроенные по отношению к китайцам, осознававшие выгоды для своего региона от их присутствия, не пытались критически осмыслить сообщение «Известий». Позднее, в 2004-м, газета «Российские вести» сообщила, что граждан КНР в России, по неофициальным данным, около 3,4 млн человек и они «уже сегодня занимают в России четвертое место после русских, татар и украинцев» (см.: *Жантиев Д.* Европа и Россию ожидает наплыв иммигрантов // *Российские вести.* 2004. 19 мая). Еще «страшнее» безответственный прогноз Л.К. Аксенова: «Если сейчас на 150 россиян — 1 китаец, то лет через 50 будет наоборот: на 1 россиянина — 150 китайцев» (*Известия.* 2005. 19 дек.). А вот совсем свежий пример. Член-корреспондент РАН, известный эколог Алексей Яблоков заявил на телеканале НТВ 27 ноября 2005 года, будто на Дальнем Востоке «в 10 раз больше китайцев, чем русских».

но долго будет оставаться привлекательной страной. Но так будет не вечно: Китай быстро урбанизируется благодаря индустриализации, базирующейся на научно-информационных технологиях²⁴. Тем самым создаются благоприятные возможности для карьерного и профессионального роста. По расчетам Министерства труда КНР, приводимым Островским, скрытая безработица в стране в 2010 году составит 16,9 проц., в 2020-м – 10,9, в 2030-м – 7,6–9 процентов²⁵. Но при этом численность безработных только в городах Китая к 2020 году может достичь 90–130 млн человек²⁶.

С Островским следует согласиться, по крайней мере, в том, что Россия может рассчитывать на приток из Китая главным образом неквалифицированной рабочей силы с низким уровнем образования. Что касается привлечения квалифицированных китайских иммигрантов, то заслуживает внимания идея Вили Гельбраса. Он предлагает сделать ставку на выпускников китайских школ, открыв им доступ в российские вузы и средние профессиональные учебные заведения, в том числе на кредитной основе. Благодаря этому Россия получит молодую квалифицированную рабочую силу, владеющую русским языком и адаптированную к нашим условиям. Вероятно также, что часть выпускников захочет остаться в России²⁷.

Китайцы на Дальнем Востоке: экспансия или допинг?

Дальний Восток (особенно его южная часть) сильнее всего ощущает китайский демографический пресс, тем более что связи региона с остальной частью страны значительно ослабли. Переход на рыночные отношения резко удлинил экономическое расстояние между востоком и западом России, почти вытеснив Дальний Восток с внутреннего рынка и тем самым придвинув его к странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Оторванность от староосвоенной России и соседство страны с более чем миллиардным населением, отягощенное памятью о противостоянии с Китаем, порождают у местных жителей чувство тревоги; чаще всего оно проявляется в страхе перед демографической экспансией. Эти опасения подогреваются огромной, более чем 10-кратной, разницей в плотности населения на приграничных территориях обеих стран, а также очень протяженной «демографической пустыней» на нашей стороне («пустыня» тянется от Байкала вдоль китайской границы до Хабаровска, имеет среднюю плотность населения 2–3 чел./км² и включает лишь отдельные очаги заселенности).

Феномен китайской экспансии на Дальнем Востоке, как правило, подразумевает заселение территории региона, так сказать, явочным порядком, не спрашивая согласия принимающей стороны. В экспансионистском контексте движущей силой китайской иммиграции являются исключительно интересы Китая. Дескать, нам китайцы не нужны, а они всё едут и едут²⁸.

Для Китая эмиграция собственного населения, несомненно, является насущной необходимостью. Китайские власти стимулируют отток людей из страны и ищут для него любые возможности²⁹. В связи с вопросом о вступлении России в ВТО Китай еще раз продемонстрировал свою заинтересованность, выдвинув к нашей стране требование открыть для китайской рабочей силы свободный доступ на российский рынок труда. Здесь просматривается не только стремление упрочить свои позиции в России, пользуясь случаем надавить на соседа, но и желание предупредить возможную конкуренцию других азиатских стран за рабочие места в нашей стране. Россия же со своей стороны может регулировать миграционный поток в собственных интересах. Примерно так, как действуют сейчас западные страны, ограничива-

ющие ввоз китайского ширпотреба, несмотря на членство КНР в ВТО.

Но нужны ли китайцы на российском Дальнем Востоке? Может ли регион обойтись без них? В чем наш интерес и в чем риск?

В течение 1960–1980-х годов Дальний Восток получал существенный и довольно равномерный приток населения из других регионов СССР: 285 тыс. человек в 1960-е, 405 тыс. — в 1970-е и 286 тыс. — в 1980-е годы. При этом на северо-востоке региона население более чем удвоилось, но и на юге наблюдался значительный его рост — в 1,6 раза. Исключением был Сахалин, население которого почти не росло уже тогда.

В 1990-е годы тенденция резко изменилась. Как показала перепись-2002, за период, прошедший после предыдущей переписи (1989), население Дальневосточного федерального округа сократилось на 1,3 млн человек, или 16 проц., в том числе почти на 1 млн за счет миграции. Население Дальнего Востока стало убывать впервые со времени освоения его русскими, причем это происходит не только на севере (что закономерно в рыночных условиях), но и в южных районах Дальнего Востока. В Амурской области сокращение составило 15 проц., в Хабаровском крае — 11 проц., в Приморском — 8,5 процента. Уменьшается даже население Хабаровска и Владивостока. Не лучше обстоят дела и в Забайкальском регионе Сибири: Бурятия недосчиталась 5,5 проц. своих жителей, Читинская область — 15,9 процента. В настоящее время вся приграничная полоса представляет собой сплошную зону оттока населения. Причем быстрее всего убывает население самых малозаселенных Амурской и Читинской областей.

Наряду с социально-экономическими условиями важнейшей причиной стремительных потерь населения в пограничных регионах является сокращение армии, которая раньше была главным мотором его

роста. Многие военнослужащие после демобилизации, последовавшей за распадом СССР, вернулись в места призыва вместе с семьями. Принимая во внимание армейскую составляющую, можно предположить, что пик оттока пройден. Темп потерь, вероятно, будет затухать, что уже наблюдается в последние годы.

Бытует мнение, будто китайской экспансии можно противостоять путем заселения региона «родственным» контингентом. В качестве регулирующей меры предлагается стимулировать миграцию в пограничные районы Сибири и Дальнего Востока. Первоначально выдвигались проекты, связанные с организацией нового переселенческого движения с запада на восток России на манер столыпинского в начале прошлого века; предполагалось вовлечь в этот процесс и «соотечественников» из стран СНГ. Эту идею сформулировал и обосновал Владимир Мясников³⁰, в более мягкой форме разделяют ее Леонид Рыбаковский³¹ и Александр Ларин³². Переселенческая концепция строится на предположении, что миграционный поток можно повернуть на восток, если там будут созданы более благоприятные социально-экономические условия по сравнению с другими регионами страны.

Посмотрим вначале на внутрироссийские возможности такого переселения с ресурсно-демографических позиций. Дальний Восток обычно рассматривается как регион с наиболее острым дефицитом демографического ресурса, а стало быть, староосвоенные регионы должны «поделиться» с ним рабочей силой. Но этот взгляд ошибочен. Наименее благоприятная демографическая ситуация как раз в староосвоенной части страны, а сложнее всего она в Центральном федеральном округе. Здесь естественная убыль населения относительно самая высокая (10 человек на 1 000 жителей против 3,3 на Дальнем Востоке в 2001 году), население самое ста-

рое (в пенсионном возрасте 24,3 проц. против 15,1 проц. соответственно), а сокращение трудоспособного населения тоже относительно самое значительное. Именно Центральный регион России, как наиболее развитой, соперничает с Дальним Востоком, и не только с ним, за трудовые ресурсы.

Центр нуждается в постоянной подпитке, главным образом для возмещения естественной убыли своего трудоспособного населения. В течение столетий Центральный регион «отдавал» жителей во все уголки дореволюционной России и СССР, но к середине 1960-х его ресурсы истощились и он сам стал нуждаться в дополнительной рабочей силе. С тех пор Центр превратился в своего рода демографический насос, который действует тем мощнее, чем сложнее трудоресурсная ситуация в стране и в регионе.

“Центр стягивает население со всей территории страны, а Дальний Восток отдает своих жителей во все регионы”.

В результате внутрироссийская миграция имеет устойчивый западный дрейф. При этом два региона России образуют миграционные полюса: Центр стягивает население со всей территории страны, а Дальний Восток «отдает» своих жителей во все регионы. Каждый последующий регион, расположенный к западу от Дальнего Востока, теряет население, мигрирующее в более западные регионы, и частично восполняет его за счет восточных. Во внутренних миграциях Дальний Восток несет главные миграционные потери — 753 тыс. человек за 1989—2002 годы. Из этого количества третья часть была отдана Центральному федеральному округу, 22 проц. — Южному, 17 проц. — Приволжскому, 15 проц. — Сибири. За счет Дальнего Востока Сибирь возместила 30 проц. своих потерь в западном направлении, а Урал за счет Дальнего Востока и Сибири — 50 процентов.

Любопытно, что приобретения Центрального федерального округа во внутрироссийских миграциях, составившие 787 тыс. человек, были практически равны потерям Дальнего Востока, тем самым «полюсность» этих регионов подтвердилась даже количественно. Среди регионов России Дальний Восток был главным донором Центра, обеспечившим 28 проц. его миграционного прироста, полученного за счет внутренней миграции. Именно потому, что за трудовые ресурсы не только с Дальним Востоком, но и со всеми другими федеральными округами соперничает наиболее развитый округ страны, бесполезно рассчитывать на возрождение восточного вектора миграции.

Что касается миграционного потенциала постсоветских стран, Дальний Восток, единственный из федеральных округов, поте-

рял население и в этом направлении, хотя и в меньшей степени, чем в обмене с российскими регионами. В период с 1989 по 2002 год чистый миграционный отток из региона в бывшие советские республики составил 145 тыс. человек. Еще около 60 тыс. человек Дальний Восток «отдал» другим странам. На Дальний Восток пришлось менее 4 проц. от общего числа прибывших в Россию из стран СНГ и Балтии, что не дотягивает до доли региона в населении России, составлявшей в 1989-м 5 процентов. Таким образом, до восточной границы России доходит совсем маленький ручеек, но и он иссыкает. В 2001—2004 годах в Хабаровском и Приморском краях приток населения из СНГ компенсировал только 2—3 проц. потерь во внутрироссийской миграции.

После 1995-го чистый приток населения из постсоветских стран в Россию стал сокращаться, опустившись в последние годы до

120–130 тыс. чел./г. против 500–600 тыс. в середине 1990-х. Сокращение миграции из стран СНГ усиливает аккумулирующую роль Центрального федерального округа. В 2000–2004 годах Центр впитал половину мигрантов из стран СНГ, а миграционный прирост всех остальных федеральных округов приблизился к нулю. В Центре же миграционный прирост сохранился на довольно высоком уровне, так как здесь недобор мигрантов из стран СНГ был компенсирован притоком

Дальнего Востока, как и Сибири, к 2026-му уменьшится на 11 проц. — в большей мере, чем где-либо еще на российской территории. Население Центра при этом сократится на 3 процента.

В перспективе двух ближайших десятилетий региональные различия в обеспеченности экономики рабочей силой складываются таким образом, что дефицит труда будет усугубляться при продвижении с востока страны на запад. Поэтому надежды на пополнение насе-

“В вопиющем противоречии с новой ситуацией находится апелляция к столыпинскому переселенческому опыту начала XX века”.

из других регионов России. Отсюда ясно, сколь сильно внутренняя миграция зависит от притока из стран СНГ: чем меньше этот приток, тем интенсивнее тяга российского населения к Центру. Тем самым стимулирование притока в Россию из стран СНГ — это одновременно важнейшая мера по стабилизации населения на востоке нашей страны.

Притяжение Центра, по крайней мере в этой четверти века, преодолеть не удастся. До 2026 года Центральному округу только для возмещения естественных потерь трудоспособного населения необходимо около 6 млн мигрантов. Если не будет обеспечен приток извне, Центр может стянуть миграционный потенциал всей России, и уже к 2015-му в разряд теряющих население перейдут также Южный, Приволжский и Уральский федеральные округа.

В такой ситуации Сибирь и Дальний Восток рискуют остаться главными донорами Центрального округа. По оценкам автора, миграционные потери Сибирского округа в период с 2006 по 2026 год могут достичь 1 млн человек, а Дальневосточного — более полумиллиона. Согласно прогнозу Госкомстата, численность населения

Дальнего Востока приезжими из других регионов России абсолютно прозрачны.

Вплоть до начала нынешнего века проблема территориального перераспределения населения действительно заключалась в том, чтобы создать стимулы для переезда в регионы, нуждающиеся в притоке работников, обеспечив там благоприятные условия жизни. О людских ресурсах можно было не беспокоиться: за исключением отдельных непродолжительных периодов их вполне хватало. Теперь же демографическая ткань слишком тонка: за исключением северокавказских республик в стране не осталось регионов с избыточными людскими ресурсами. Демографическая ситуация изменилась принципиально, в том числе и в региональном плане, а традиционные методы для ее регулирования уже не приносят результата.

В вопиющем противоречии с новой ситуацией находится и получившая распространение, особенно среди историков, апелляция к столыпинскому переселенческому опыту начала XX века. У этого поистине грандиозного предприятия были две объективные предпосылки: малонаселенность восточных окраин, которые во имя государственной

пользы следовало «уплотнить», и аграрное перенаселение в российском Черноземье и в Малороссии, которые требовалось «проредить». Сейчас же переселять некого: староосвоенные регионы страны сами еще более остро, чем другие, нуждаются в людских ресурсах.

Выходит, что соседство Китая, страны с огромным демографическим потенциалом, является едва ли не главным ресурсом, который мог бы обеспечить рабочей силой приграничную зону Сибири и Дальнего Востока и поддержать заселенность этих территорий хотя бы на современном уровне. Дальний Восток, особенно Приморский и Хабаровский края, занимает выгодное географическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и если он будет развиваться путем интеграции в этот регион, численность его населения, несомненно, возрастет. Нарастание демографического потенциала, разумеется, не единственное условие развития региона, но непереносимое.

На Дальнем Востоке это уже понимают. Один из сценариев развития приграничных с Китаем регионов, представленный в аналитическом докладе Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН Дальневосточному международному экономическому конгрессу предполагает «интеграцию в АТР посредством тесной кооперации с Китаем». Подобный сценарий осторожно назван «достаточно привлекательным». В качестве одного из преимуществ развития региона в этом направлении отмечено «более активное привлечение и использование китайской рабочей силы на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье». Указывается, что «освобождение (миграции китайцев. — **Ж.З.**) от административных ограничений... могло бы создать более благоприятные условия для закрепления населения в регионе и привлечения населения из других регионов Российской Федерации

и СНГ». Для осуществления такого долгосрочного проекта предлагается смягчить пограничный и таможенный режим в ряде пунктов вдоль российско-китайской границы и создать здесь зоны свободной торговли. Конечной целью объявляется «формирование единого экономического (но не политического) пространства российского Дальнего Востока и Забайкалья и Китая»³³.

Цитируемый документ интересен тем, что без обиняков признаёт китайскую миграцию важнейшим фактором развития региона. Кроме того, его появление свидетельствует о том, что на Дальнем Востоке утвердился реалистичный взгляд на сотрудничество с КНР, означающий полный разворот стратегии развития региона. Заметим, что задача организации переселения из западных районов России и стран СНГ не выдвигается ни в одном из пяти рассмотренных в докладе сценариев. Правда, привлечение трудовых ресурсов из других регионов Российской Федерации упоминается в качестве отдаленной цели, однако — и это принципиально — в документе указано, что создать необходимые условия можно, лишь опираясь на китайскую рабочую силу.

Под знаком переоценки китайского фактора прошел и семинар «Мост через Амур» в Иркутске в декабре 2003 года, участники которого пришли к единодушному мнению о том, что «миграционные процессы станут решающим фактором этнического, культурного, экономического развития востока Сибири и Дальнего Востока, геополитического положения этих регионов»³⁴. На семинаре речь шла прежде всего о миграции из Китая, причем, в отличие от мероприятий подобного рода, проводившихся в предыдущие годы, в ходе упомянутой дискуссии уже не приходилось доказывать, что обойтись без китайских мигрантов невозможно. Миграция рассматривалась рационально и прагматично, с позиций интересов восточ-

ных регионов России. Приводились факты быстрого формирования единого социального пространства в трансграничной зоне, расширения рынка труда, формирования общей инфраструктуры по сбыту товаров, финансовому и информационному обслуживанию, выработке общих правил игры, созданию единых партнерских и деловых сетей³⁵. Акцент был смещен с экспансионистских и иных угроз на деловое сотрудничество и необходимость осуществления либеральной миграционной политики. Участники семинара обращали внимание и на значительную роль китайской составляющей в городских бюджетах. Например, в Благовещенске это более 10 процентов³⁶.

Деловые отношения, как показывает жизненная практика, создают основу и для преодоления этнокультурных различий. Так, знание языка становится серьезным конкурентным преимуществом в бизнесе, поэтому свыше 60 проц. китайцев, живущих на Дальнем Востоке, в той или иной мере владеют русским³⁷. Среди россиян становятся все более популярны курсы китайского языка³⁸.

Вместе с тем различного рода административные ограничения, оторванность миграционного законодательства от повседневной жизни, коррупция и очень узкое легитимное пространство для китайского бизнеса сдерживают интеграционные тенденции, способствуя этнической сегрегации деловых отношений³⁹ и развитию теневых сетей бизнеса, которые наносят ущерб России⁴⁰.

Подытоживая, можно сделать вывод, что за последние десять лет на Дальнем Востоке отношение к китайской иммиграции как фактору развития региона резко изменилось. Если поначалу здесь категорически отвергали саму возможность рационального обсуждения этой проблемы, то теперь формирование взаимодополняющего рынка труда с Китаем рассматривается как важнейшее и неперемное условие развития пригранич-

ных регионов и преодоления их депопуляции; более того, укрепляется представление о том, что посредством мобилизации внешних ресурсов удастся укрепить геополитическое положение России на востоке⁴¹.

В Москве все вышеназванное еще составляет предмет острых дискуссий, хотя уже опубликованы работы, которые доказывают, что следует отказаться от модели «демографического освоения» Дальнего Востока, ее «широкой интернационализации»⁴², а вместо этого предлагают решать миграционную проблему путем «постепенного долгосрочного создания единого рынка труда в Восточной Азии»⁴³.

Заключение

Вопреки агрессивному тону СМИ и постоянному нагнетанию страха перед лицом «китайской угрозы», реальная жизнь эволюционирует в другом направлении. К настоящему времени население приграничной полосы осознало и оценило оживление экономической жизни, наполненность рынка товарами, расширение культурных связей, появившиеся возможности сравнительно дешевого отдыха на теплом море и пр., которые принесли с собой открытость страны и трансграничные трудовые миграции.

Совершенно изменился и общий контекст дискуссий вокруг китайской проблемы. Десять лет назад никто из экспертов в управляющих структурах Приморского края и мысли не допускал о неизбежности для России, в том числе и для края, значительной иммиграции из Китая. Миграционная политика в отношении Китая мыслилась как заградительная. Более того, в то время в Приморье не хотели принимать даже советских корейцев из Средней Азии. Надежды на «порядок» связывались с мерами воздействия в духе советских традиций — ужесточением пограничного и миграционного контроля, депортациями, а также организаци-

ей переселенческого потока на восток страны⁴⁴. Под знаком такого переселения прошли и первые диспуты в Московском центре Карнеги по проблемам Дальневосточного региона. «Одним из возможных решений (этих проблем. — **Ж.З.**) могла бы стать активная переселенческая политика», — значилось в итогах дискуссии 1996 года⁴⁵. Это мнение тогда разделяли все докладчики.

Таким образом, всего десять лет назад отсутствовало понимание того, что геополитическая и демографическая ситуация на Дальнем Востоке принципиально изменилась не только по сравнению с царской Россией, но даже и с более близкими 1980-ми годами. Это справедливо и по отношению к России в целом, но Дальний Восток, оказавшийся в центре дискуссии, приковывал внимание к себе и отвлекал от страны, тем самым превращая общенациональную проблему в региональную.

Китайское присутствие рассматривалось как чрезмерное, как результат попустительства властей, отмечались лишь его отрица-

опросов в конце прошлого века (1998—1999) 67 проц. москвичей, 60 проц. хабаровчан и 53 проц. жителей Владивостока отметили, что относятся к приезду китайцев в Россию «положительно», «нормально» или «безразлично»⁴⁷. Демаркация границы усилила напряженность в обществе, отчего уровень неприятия китайцев, зафиксированный последними замерами, оказался чуть выше: 25 проц. в Хабаровске (2001)⁴⁸ и 31 проц. в Приморье (2002)⁴⁹, но толерантная группа все равно составляет более половины респондентов.

Сами китайцы вполне адекватно оценивают отношение к себе со стороны россиян. Согласно исследованиям Гельбраса, в 2002-м в среднем более половины опрошенных китайцев (55 проц.) полагали, что местное население относится к ним доброжелательно или нейтрально (при вариации оценок от 45 проц. в Иркутске до 53 проц. в Москве, 60 проц. во Владивостоке и 64 проц. в Хабаровске)⁵⁰. Китайцы и раньше (а, возможно, и с самого начала их нового появле-

“Каждый третий из взрослых жителей Приморского края хотя бы однажды побывал в Китае”.

тельные стороны: контрабанда, браконьерство, перенос инфекций, усугубление рэкета и коррупции, заполнение рынка некачественными товарами и т. п.

Проявление нетерпимости к китайцам было характерно и для населения Дальнего Востока. В ходе наших опросов в 1997—1998 годах большая часть местных жителей рассматривала китайцев как непрошенных гостей, полагая, что дальневосточные города проиграли от присутствия китайцев. Лишь каждый четвертый видел в этом положительный момент⁴⁶.

Сейчас отношение гораздо более терпимое. Свыше половины россиян спокойно относятся к китайскому присутствию. В ходе

в России) оценивали дружелюбие россиян примерно на том же, довольно высоком, уровне. Те же 55 проц. были получены и в 1997—1998 годах⁵¹. Важно и то, что доля россиян, проявляющих наибольшую терпимость, в 2—3 раза перевешивает долю алармистов, которая, тем не менее, иногда достигает 18—20 процентов (Владивосток, Иркутск).

Трансграничные контакты на российско-китайской границе стали фактом повседневной жизни. В частности, каждый третий из взрослых жителей Приморского края хотя бы однажды побывал в Китае⁵². Более половины студентов старших курсов вузов Благовещенска хотя бы раз попробовали

себя «фонарями» (помощники китайцев при переправке грузов)⁵³.

Таким образом, и с той, и с другой стороны налицо предпосылки для мирного взаимодействия. В то же время россияне, как и раньше, решительно возражают против долгосрочной сдачи земли в аренду китайцам, против предоставления им постоянного вида на жительство и гражданства и даже разрешений на покупку жилья. Страх еще не ушел.

Заметим, что возможности привлечения временных мигрантов ограничены неквалифицированными работами, где быстрая ротация работников не наносит ущерба трудовому процессу. Но стране потребуются

миллионы иммигрантов, а для того чтобы обеспечить эффективное функционирование экономики, значительную их часть придется привлекать на постоянной основе.

Повторю высказанное ранее предположение: к середине нынешнего века китайцы с большой степенью вероятности могут стать вторым по численности народом России, обойдя в этом отношении татар⁵⁴. Ввиду такой перспективы приходится констатировать, что, к сожалению, несмотря на отмеченные сдвиги, отношение к китайской проблеме меняется слишком медленно. Медленно — в свете неотвратимо надвигающегося масштабного дефицита рабочей силы. ■

Примечания ¹ Как полагает А. Ларин, впервые о «желтой опасности» заговорили после поражения России в Русско-японской войне 1905 г. См.: Ларин А. Ретроспектива: китайцы в России // Миграция. 1997. № 1. С. 21–23.

² *Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года*: Стат. бюл. / Госкомстат России. М., 2005. С. 8, 116.

³ *Население России 2002: Десятый ежегодный демографический доклад* / Отв. ред. А.Г. Вишневский / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 2004. С. 187–188.

⁴ Подчеркнем, что речь идет о чистой миграции, то есть о миграционном приросте — разнице между числом прибывших и выбывших; входящий же поток должен быть еще больше.

⁵ Комсомольская правда. 2005. 4 мая.

⁶ Мир новостей. 2005. 7 июня.

⁷ www.politcom.ru

⁸ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: Исторический очерк / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2003. С. 182–192.

⁹ Там же. С. 184, 185.

¹⁰ Крупинов Ю. Против нас ведется операция «Мигранты спасут Россию» // Русская национальная община на Святой земле: Информационный бюллетень. 2005. № 56.

¹¹ Белобородов И. Русских хоронить рано // RBC Daily. 2005. 28 июня.

¹² Архангельский В.Н. и др. Стратегия демографического развития России / Институт социально-политических исследований РАН. М., 2005. С. 84–87.

¹³ www.prognosis.ru / 23.05.2005

¹⁴ Крупинов Ю. Указ. соч.

¹⁵ Эту идею как бы официально еще раз подтвердил глава Совета Федерации Сергей Миронов, выступая на парламентских слушаниях 24 ноября 2005 г. // www.strana.ru / 24.11.2005

¹⁶ *Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития: Аналитический доклад* / Фонд «Наследие Евразии»; Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. М., 2005. С. 174, 183.

¹⁷ Там же. С. 183.

¹⁸ *Россия в цифрах* / Росстат. М., 2005. С. 140, 141.

¹⁹ Известия. 1993. 2 нояб.; 1994. 30 нояб.

²⁰ Портяков В. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России. М., 1996. С. 51.

²¹ Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003. С. 370.

- ²² Там же. С. 365, 369.
- ²³ Там же. С. 17.
- ²⁴ *Экономика Китая вступает в XXI век* / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2004. С. 5–6.
- ²⁵ *Островский А.В.* Указ. соч. С. 365.
- ²⁶ *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию* / Под ред. В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 298. Данные приведены со ссылкой на китайский источник.
- ²⁷ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 146–150.
- ²⁸ Это представляется примерно так: «Китайская волна до Сибири просто не дошла. Приморье уже «затоплено», «явочным порядком», без всяких формальностей, китайцы захватывают пустующие земли» (Красноярский комсомолец. 1995. 3 июня. Цит. по: «Мост через Амур»: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 61). Факты в доказательство этого утверждения не приводятся.
- ²⁹ По данным, приведенным в работе В. Гельбраса (см.: *Гельбрас В.Г.* Указ. соч. С. 27), число безработных в КНР – 150–200 млн человек – превышает всё население России.
- ³⁰ *Мясников В.* Дальний Восток России: миграционная политика // Миграция. 1996. № 1.
- ³¹ *Рыбаковский Л.Л.* и др. Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Институт социально-политических исследований РАН. М., 1999; *Архангельский В.Н.* и др. Указ. соч. С. 152.
- ³² *Лафин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня. С. 188–192.
- ³³ *Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР* // Дальневосточный международный экономический конгресс: 27–28 сентября 2005 г. (Хабаровск) / Ин-т экономических исследований ДВО РАН. С. 78.
- ³⁴ «Мост через Амур». С. 12.
- ³⁵ *Рыжова Н.П.* Трансграничный народный рынок в Благовещенске / Хэйхэ // «Мост через Амур». С. 153–169.
- ³⁶ Там же. С. 158.
- ³⁷ *Лафин В.Л.* Китайская миграция на Дальнем Востоке // «Мост через Амур». С. 115.
- ³⁸ *Рыжова Н.П.* Указ. соч. С. 159.
- ³⁹ Там же. С. 161–166.
- ⁴⁰ Этот аспект российско-китайских отношений обстоятельно исследован В. Гельбрасом в работе «Россия в условиях глобальной китайской миграции».
- ⁴¹ Об этом свидетельствуют и отклики специалистов в «Известиях» на репортаж Д. Филимонова «с места» о китайской миграции // Известия. 2005. 19 дек.
- ⁴² См., напр.: *Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия*. М., 1998. С. 191, а также Введение и Заключение.
- ⁴³ *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию*. С. 24.
- ⁴⁴ См.: *Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: Надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: Межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской, Д. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 98.
- ⁴⁵ *Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России* // Научные доклады. Вып. 7. М.: Московский центр Карнеги, 1996. С. 8.
- ⁴⁶ Опросы проводились в Благовещенске, Хабаровске и Владивостоке. Было опрошено 1 086 местных жителей (см.: *Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А.* Указ. соч. С. 112).
- ⁴⁷ Терпимость убывала, а отторжение нарастало в восточном направлении: от 11 проц. респондентов в Москве до 20 в Хабаровске и 28 проц. во Владивостоке не одобряли присутствия китайцев (см.: *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 144).
- ⁴⁸ По данным Е.Л. Мотрич.
- ⁴⁹ *Лафин В.Л.* Китайцы в России вчера и сегодня. С. 120.
- ⁵⁰ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 134. Показатели табл. 59 в целях сопоставимости по городам пересчитаны нами без учета респондентов, которые затруднились с ответом либо его не дали.
- ⁵¹ *Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А.* Указ. соч. С. 111.
- ⁵² *Лафин В.Л.* Китайцы в России вчера и сегодня. С. 108.
- ⁵³ *Рыжова Н.П.* Указ. соч. С. 108.
- ⁵⁴ *Зайончковская Ж.А.* Китайская иммиграция через призму рынка труда // Российский демографический журнал. 1998. № 1. С. 12–18.